
<...>

КЛЯТВА ПРИЗРАКА

Спенс выпрямился и деловито подвел итог:

— Вот почему эти рассуждения — только пустая трата времени. Мы не узнаем, что значит умереть, пока не умрем. Может, тот свет, который некоторые люди видят на пороге смерти, — это всего лишь последняя попытка мозга отвлечься от ужаса небытия.

Помолчав, он добавил:

— Жалко, что первый из нас, кто умрет, не сможет вернуться и рассказать остальным, каково это.

— Ужасная мысль, — нахмурилась Сандра.

Лицо Спенса приняло странное выражение, как будто его потрясла его же собственная идея.

— Что же тут ужасного? Мне кажется, это лучшая мысль, какую когда-либо высказывали в этом клубе.

Илонка натянуто рассмеялась.

— Не хотелось бы, чтобы посреди ночи в мою дверь стучались всякие призраки.

— А что, если это будет знакомый вам призрак? — спросил Спенсер, обращаясь ко всем. — Я серьезно. Почему бы нам не поклясться в том, что первый, кто из нас умрет, должен постараться связаться с остальными? Что думаешь, Кевин?

— Ты предлагаешь, чтобы умерший подал нам знак? — спросил Кевин.

— Ну да.

ГЛАВА I

Илонка Павлук посмотрела на свое отражение в зеркале и решила, что на умирающую она совсем не походит. Да, лицо худое, как и все остальное, но голубые глаза ярко горят, каштановые волосы переливаются блеском, улыбка белая и свежая. Глядя в зеркало, она улыбалась всегда, как бы плохо ей ни было. Улыбаться было легко. Почти машинальная реакция, особенно если никто не смотрит, а на душе скребут кошки. Но сегодня она не будет поддаваться унынию. На ум пришло избитое выражение: «Сегодня первый день твоей оставшейся жизни».

И все же от некоторых фактов не отмахнуться, как ни крути.

Блестящие каштановые волосы были париком. За месяцы химиотерапии от ее настоящих волос остались лишь редкие пряди. И она до сих пор очень больна. Возможно, *сегодня* — это довольно *большой* кусок ее оставшейся недолгой

жизни. Но что толку от этих мыслей, если они ничем не помогут? Нужно сосредоточиться на чем-то полезном. Именно этим правилом она теперь и руководствовалась. Закинув в рот горсть таблеток на основе трав, она запила их стаканом воды. Позади нее застонала ее соседка по комнате, Аня Циммерман, чрезвычайно больная на вид девочка.

— Не понимаю, как у тебя получается принимать их все сразу. Меня бы тут же вырвало.

— Уж полегче, чем иглой в руку, — отозвалась Илонка, проглотив таблетки.

— Но укол действует сразу же.

Аня предпочитала в качестве лекарств настоящие наркотики. И она имела на то полное право, поскольку она испытывала постоянную мучительную боль. У нее был рак костей. Полгода тому назад ей отрезали ногу у колена, чтобы остановить распространение, но все оказалось напрасно. В зеркало было видно, как Аня ерзает в своей кровати в поисках более удобного положения. Она так часто делала, но проблема заключалась в том, что из собственного тела все равно не выпрыгнешь, сколько ни старайся.

Илонка поставила стакан и обернулась. Она уже чувствовала, как целебные травы согревают ее изнутри.

— Думаю, эти травы работают. Сегодня мне гораздо лучше, чем за последние несколько недель.

Аня шмыгнула носом. У нее был постоянный насморк из-за расшатанной иммунной системы — обычный побочный эффект химиотерапии и частая проблема «гостей» хосписа Роттерхэм.

— Дерьмово выглядишь, — сказала Аня.

Ее слова заделали Илонку, впрочем, ничего нового. Она понимала, что в высказывании Ани нет ничего личного. Такой уж у нее характер. Иногда Илонке казалось, что на самом деле это говорит не Аня, а накопившаяся внутри нее боль. Интересно, какой была Аня до болезни?

— Ну спасибо, — ответила Илонка.

— Ну, то есть, ужасно по сравнению с мисс Загорелой Барби из внешнего мира, — поспешила объяснить Аня. — А по сравнению со мной просто великолепно, — она снова шмыгнула носом. — И вообще, кто я такая, чтобы судить? Извини.

— Мне на самом деле лучше. Правда, — уверенно сказала Илонка.

Аня пожала плечами, словно сомневаясь в том, что это действительно хорошо. Как будто чувствовать себя лучше — это лишь откладывать неизбежное. Но не стала настаивать и, выдвинув ящик тумбочки, достала из него книгу. Причем не просто книгу, а Библию. Злая страшная Аня читала Библию.

Накануне Илонка спросила, чем объясняется ее выбор, а Аня усмехнулась и сказала, что ей захотелось почитать «что-нибудь лег-

кое». Кто знает, что на самом деле творится у нее в голове? Истории, которые она рассказывала на их полуночных встречах, были сплошь мрачными и отвратительными. Из-за них Илонке даже снились кошмары, да и было трудно засыпать рядом с человеком, который только что в красках описал, как Кровавая Сьюзан выпотрошила Бедняжку Робби. Аня всегда выдумывала такие имена для своих персонажей.

— А я ничего не чувствую. Как будто все онемело, — сказала Аня.

И это была ложь. Конечно, она продолжала испытывать боль, несмотря на ежедневные десять граммов морфина. Открыв Библию на случайной странице, она принялась за чтение. Илонка тихо встала и с минуту наблюдала за нею.

— Ты христианка? — наконец спросила она.

— Нет, я умираю, — Аня перелистнула страницу. — У мертвых нет религии.

— Я хочу поговорить с тобой.

— Я и говорю с тобой. Я могу говорить и читать одновременно.

Аня помолчала и подняла голову.

— И о чем ты хочешь поговорить? О Кевине? У Илонки перехватило горло.

— Почему о Кевине?

Аня усмехнулась, что далось ей нелегко. Ее вытянутое лицо перекосилось. В целом она была красивой: светлые волосы, голубые глаза, изящные черты, хотя и слишком худая.

Если бы не темные волосы Илонки (прежние, настоящие), то их можно было бы даже назвать чем-то похожими. Но блеск их голубых глаз разнился. Пожалуй, у Ани они вовсе не блестели. Во всех чертах ее проскальзывала холодность: отражение боли, крохотные морщинки под глазами, плотно сжатые губы и нечто иное, притаившееся в глубине ее души. И все же Аня нравилась Илонке, о ней хотелось заботиться. Просто Илонка ей не доверяла.

— Ты влюбилась в него, — ответила Аня.

— Что за глупости? Скажешь тоже.

— Да я же видела, как ты смотришь на него. Как будто готова прямо здесь сорвать с него штаны и показать ему рай, если это не убьет вас обоих.

— Бывает смерть и похуже, — пожала плечами Илонка.

И тут же поняла, что сказала что-то не то.

— Угу, — мрачно отозвалась Аня и вновь уткнулась в Библию.

Илонка подошла поближе и облокотилась на ее кровать.

— И вовсе не влюбилась. Не в таком я положении, чтобы в кого-то влюбляться.

Аня кивнула и что-то пробурчала.

— И я не хочу, чтобы ты так говорила. Особенно ему.

Аня перелистнула страницу.

— И что, по-твоему, я должна ему говорить?

— Ничего.

— А ты что ему скажешь?

— Ничего.

Аня резко захлопнула книгу и посмотрела на Илонку, сверкнув холодными глазами. Или на этот раз они вдруг оказались не такими уж холодными.

— Илонка, ты же сама сказала, что хочешь поговорить со мной. Я и подумала, что ты хочешь обсудить нечто более важное, чем уколы и таблетки. Ты *живешь* отрицанием, что само по себе плохо, но еще хуже так умирать. Ты любишь Кевина, это и дураку ясно. Всей нашей группе ясно. Почему бы тебе не признаться ему?

Ее слова поразили Илонку, но она постаралась сохранить спокойствие.

— Он же из нашей группы. Он должен знать.

— Он такой же глупый, как и ты. Скажи ему.

— Сказать ему что? У него есть подружка.

— Его подружка тупая.

— Ты про многих так говоришь, Аня.

— Так это так и есть, тупых людей много, — пожала плечами Аня, отворачиваясь. — Поступай, как хочешь, мне все равно. Все равно через сто лет все это будет не важно. Или даже через сто дней.

— Неужели мои чувства так заметны? — обиженно спросила Илонка, явно задетая.

Аня посмотрела в окно.

— Нет, беру свои слова обратно. Группа ничего не знает. Они тоже тупые. Знаю только я.

— А ты как узнала?

Аня ничего не ответила, и Илонка подошла еще ближе и села на кровать рядом с ампутированной ногой. Культю покрывал толстый слой бинтов. Аня никому не показывала, как она выглядит, и Илонка ее понимала. Аня единственная из всех пациентов хосписа знала, что Илонка носит парик. По крайней мере, Илонка на это надеялась.

— Я что, говорила во сне?

— Нет, — ответила Аня, по-прежнему глядя в окно.

— Ты экстрасенс?

— Нет.

— Ты когда-нибудь любила?

Аня вздрогнула, но тут же собралась и повернулась к Илонке. Глаза ее снова стали спокойными. Или просто холодными.

— Кто меня полюбит, Илонка? Мне полтела отрезали.

Потянувшись к Библии, она равнодушным тоном добавила:

— Лучше поспеши и перехвати Кевина, пока не пришла Кэти. Сегодня день посещений, ты же знаешь.

Илонка встала, испытывая печаль, несмотря на свое сегодняшнее обещание радоваться жизни.

— Я знаю, какой сегодня день, — пробормотала она, выходя из комнаты.

Хоспис Роттерхэм вовсе не походил ни на хоспис, ни на больницу, ни на какое

другое медицинское учреждение. Лет десять назад это был загородный особняк какого-то нефтяного магната. Он располагался в штате Вашингтон у границы с Канадой, на берегу океана. На грубом и изрезанном скалами берегу, постоянно омываемом холодными, как в декабре, волнами. Волны, поднимая пену, безжалостно обрушивались на прибрежные острые камни, словно ожидая случая расправиться с какими-нибудь забравшимися сюда по ошибке беспечными пловцами. Из окна в спальне постоянно доносился шум прибоя, и Илонка часто засыпала под него, погружаясь иногда в приятные, а иногда в беспокойные сны. Изредка ей казалось, что волны подхватывают ее и уносят в фантастические миры, где они с Кевином гуляют под руку, совершенно здоровые. Но порой холодная волна швыряла ее на грубые камни, разрывая тело на части, а на останки набрасывались голодные рыбы. Да, в том, что ей снятся подобные сны, она тоже винила Аню.

И все же, несмотря ни на какие кошмары, ей нравилось жить рядом с океаном. Хоспис Роттерхэм нравился ей куда больше государственного, в котором она просто гнила заживо, пока ее не нашел доктор Уайт — тот самый, что основал этот хоспис. «Дом для подростков», как он выразился, в котором молодые люди готовятся к самому важному экзамену в своей жизни. Ей понравились его слова.

Но она заставила его пообещать, что ей купят парик, прежде чем отправлять в то место, где ожидать своей смерти будут еще тридцать ее ровесников.

Конечно же, лично она не умирала, это точно. По крайней мере, с тех пор, как начала заботиться о себе.

Комната Илонки находилась на втором этаже трехэтажного здания. В длинном коридоре, по которому она медленно шла, выйдя из комнаты после разговора с Аней, почти не было признаков того, что этот особняк перделали специально для больных. Картины маслом на стенах, густой лиловый ковер и даже хрустальные канделябры, оставшиеся после того, как богатый и щедрый техасец Адамс передал свой любимый дом доктору Уайту, — всем этим вполне можно было бы наслаждаться, представляя себе, что на самом деле ты почетный гость, как иногда называли здешних постояльцев. Иллюзию портили только густой запах спирта, бивший в нос у лестницы, белые стены процедурных кабинетов внизу и, что самое главное, общее ощущение *болезненности* повсюду, говорившее о том, что никакой это не дом для богатых и счастливых гостей, а печальное место для молодых и бедных постояльцев. Большинство пациентов здесь были неизлечимыми больными из государственных учреждений, где их находил доктор Уайт.

Правда, Кевин не принадлежал к их числу — у его родителей имелись деньги.

Спускаясь по лестнице, она повстречала другого члена «Клуба полуночников», как они прозвали свои ночные встречи. Это был Спенсер Хэйвуд, или просто «Спенс», как ему нравилось, чтобы его называли. Спенс был самым здоровым во всем хосписе (после Илонки, конечно же), даже несмотря на свой рак мозга. Большинство «гостей» Роттерхэма проводили весь день в постели или, по крайней мере, в своих комнатах, но Спенс все время выходил и гулял по зданию. Это был худощавый молодой человек (что неудивительно — в хосписе *все* были худыми, а некоторые даже изможденными) с волнистыми каштановыми волосами и с неизбывной, словно высеченной на лице улыбкой — из тех, что граничат с подозрительной усмешкой. В их группе он считался шутником — такой человек должен быть в каждом коллективе — и его энергия казалась заразной даже подросткам, вынужденным постоянно накачиваться обезболивающими. Его черты отражали его буйный характер. Редкий его рассказ обходился без взрывов с десятками погибших. Илонке Спенсер нравился, потому что он никогда не подавал виду, что может скоро умереть.

— А вот и наша прекрасная полька, — сказал он, когда они оба остановились на лестнице у кабинета медсестры. В одной руке он держал